

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО К. С. КОПЫСОВОЙ

Уральская народная сказительница Клавдия Степановна Копысова родилась в 1876 году в Михайловском заводе, Нижне-Сергинского района Свердловской области (бывш. Красноуфимский уезд Пермской губернии).

В семье и среди близких родственников Клавдии Степановны было немало рассказчиков и песенников. Именно они явились первоисточником, из которого Копысова почерпнула знание произведений народного творчества.

Отец Копысовой — Степан Васильевич Онуфриев — был мастером на все руки — лесник, пчеловод, охотник и первый портной на заводе. Прямой и резкий по характеру, он не раз «сводил счеты» с местным начальством за обиды заводскому люду — избивал урядника, станового и даже попа.

Среди друзей он был известен как неутомимый рассказчик охотничьих и золотоискательских побывальщин, разбойничьих преданий и сатирических стихов, направленных против местного начальства. Клаша была его самой любимой дочерью. Он часто брал ее с собой в лес.

«Приедем, бывало, — вспоминала Клавдия Степановна, — тятя скажет:

— Глашурка, а Глашурка, лес шумит — это он с тобой разговаривает. О чем он тебе толкует?

А я живо:

— Тятенька, тут в лесу баба-яга ходит, золото хоронит, леший серебро стережет.

Отец как захохочет:

— Ну и пусть стережет, а когда надо будет — украдем у него. Видишь, вон река Уфа вьется, по ней Пугачев плыл. А вот тут бугорок — это скит кержацкий. Аннушка тут похоронена. А там у дороги крест — бродяги человека за копейку убили.

Слушаешь, слушаешь тятеньку — лучше всех побывальщины рассказывал».

Мать Клавдии Степановны слыла в округе песенницей. Она любила петь старинные проголосьные лирические песни о несчастной любви и тяжелой женской доле.

Клаша больше тяготела к отцу, к его сказам, овеванным героикой борьбы. Неизгладимый след в памяти Копысовой оставили — тетка матери, хромая Марфа, и дедушка Тепикин.

Тетка Марфа была профессиональной вопленицей, она импровизировала причеты, полные тоски и скорби.

Тепикин, дедушка по матери, был весельчаком и балагуром. Он рассказывал детям былины об Илье Муромце, Соловье-разбойнике, о Добрыне и змее. Змей походил в его рассказах на полоза местных легенд, а герои былины действовали не в опаленных зноем южных степях, а в таежных урманах, в дремучих лесах Урала. Дед был грамотен и многие былины вычитал из печатных сборников. Он же познакомил Клашу с поэзией Некрасова и Кольцова.

«Когда десять годков минуло, — рассказывала Копысова, — на меня оспа навалилась. Долго без памяти лежала, а потом начала выздоравливать. Отец в отлучке был, приехал, напился пьяный с горя. Стукнул кулаком по столу, да как заревет по-медвежьи:

— Лучше бы дом сгорел, чем дочь кривая осталась! Ты виновата, мать, что дочь не уберегла.

Я как заплачу, а потом вытерла кулаком слезу, обняла отца:

— Не реви, тятенька, я хоть кривая, а одним глазом лучше других вижу».

После смерти отца (1887 г.) семья Онуфриевых осталась без средств к существованию и испытала много лишений и бед. Мать поступила на листокатальный завод, а летом у крестьян нанималась убирать хлеб. Старшего сына она устроила в лесничество, а Клашу и маленького братишку — на писчебумажную фабрику.

«Бывало, гудок на обед прогудит, — вспоминала сказительница те годы жизни, — все завтракать идут, а мы с Васюткой заберемся за кипы с бумагой, чтоб нас не видели, и начнем рассказывать друг другу сказки и побывальщины, чтобы заморить червячка. Прогудит гудок — мы опять на местах. Много нас, малюток, пресс качало. Пот льется, тяжело...»

Когда Клаше исполнилось пятнадцать лет, ее отправили в Челябинск, где она работала полумойкой в доме купца. Вскоре она вернулась домой и снова поступила работать на листокатальный завод.

Тяжелая, полуголодная жизнь не убила в ней бодрости и силы духа. Зная множество песен, былии, сказов и, самое главное, обладая талантом импровизации, она всегда принимала горячее участие в рабочих инсценировках народных драм — «Шайка разбойников», «Афонька и барин», «Доктор и барин» и других вместе с братом Николаем.

Выйдя замуж за рабочего железнодорожного депо, Клавдия Степановна уехала в Челябинск. Тяжелые материальные условия привели к тому, что муж вскоре умер от чахотки. С тремя детьми молодая вдова вернулась в Михайловский завод и стала зарабатывать кусок хлеба на погрузке дров и угля. Затем она поступила чернорабочей на копи и работала там до 1933 года. Несчастный случай прервал ее работу: осколок щебня попал в ее единственный здоровый глаз, и она совершенно ослепла.

Слепота, лишившая Копысову многих радостей, однако, не угасила в ней страстной любви к жизни и поэтическому творчеству.

На основе общерусской и, в частности, местной уральской народнопесенной традиции она создает свои поэтические произведения — поэмы, сказания.

Творчество Копысовой органически связано с фольклором. Вне фольклора нельзя правильно понять и объяснить ни одного из ее произведений. Так, например, песни «Ермак и река Тура», «Ермак и хан кучум» слагались под непосредственным влиянием исторических преданий и песен об Ермаке Тимофеевиче; песня «Пугачевский клад» развивает отдельные мотивы фольклора пугачевского цикла.

Но Копысова не простой передатчик-исполнитель памятников народной поэзии. Она сама творец фольклорных произведений. В этом нетрудно убедиться, сопоставляя хотя бы известные исторические песни об Ермаке с песней «Ермак и река Тура», созданной Копысовой в 1943 году.

Народные песни об Ермаке Тимофеевиче — эпически пространны, документальны. Это своего рода летописная повесть. Основная идея этих песен — богатырство, непобедимость русских людей. Она, безусловно, навеяна героическими подвигами советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Прибили казаки тех татар не мало число.
И тому татары дивовалися,
Каковы русски люди крепкие,
Что не единова убить не могут их:
Каленых стрел в них, как в снопики, налеплено,
Только казаки невредимы стоят.

У Копысовой эта тема раскрывается по-новому. Река Тура обращается к Ермаку с гневным и взволнованным призывом:

Ты плыви, плыви, добрый молодец,
Атаман Ермак Тимофеевич,
Ты возьми, возьми всех татар в полон,
Хватит им зорить землю русскую!

Копысова не ограничивается изображением богатырства русских людей. Ее героям присущ истинный патриотизм. Ермак, отправляясь в царство Кучума, с любовью думает о внуках и правнуках, которым не будет угрожать недруг. В художественном отношении Копысова создает совершенно новую композицию: вместо эпически-документального повествования, традиционного для исторических песен, она дает лирический диалог, исполненный волевых интонаций.

Прошлое сказительница рисует реалистично, без всяких прикрас. Нищета и эксплуатация трудящихся масс господствующими сословиями («Шайка разбойников», «Приказчик Ванька», «Глашенька»), гибель самых лучших человеческих чувств, самой нежной любви, вследствие проповеди национальной вражды и религиозного фанатизма («Аннушка», «Глашенька»), и, наряду с этим, непримиримая борьба народных героев против физического и духовного порабощения — таковы основные мотивы, взятые уральской сказительницей для изображения дореволюционного прошлого.

Копысова неоднократно повествует об эпопее Ермака и роли Урала в покорении Сибирского царства, социальных отношениях на уральских заводах, о пугачевщине, уральских старообрядцах и т. д. Изображение конкретной исторической действительности в ее творчестве пронизано идеей гуманизма, братства угнетенных народностей и ненависти к социальному злу.

Произведения Копысовой насыщены деталями уральского быта, а образы предельно реалистичны и психологически убедительны. Каюм, Аннушка, Глаша, Алеша, социально типичны и воспринимаются как образы, возникшие в определенный момент исторического развития Урала.

Малограмотная и к тому же слепая, Копысова не имела возможности закрепить на бумаге свои произведения. Она держала их в памяти и при повторении той или иной песни меняла отдельные куски, варьируя их. Сочинив новую вещь, она иногда записывала для памяти начальную букву стихов и потом просила кого-либо из родных прочесть их.

Песни свои Копысова обычно сообщала полунепевом, речитативом; мимикой, жестом дополняла изображаемый образ.

Произведения, помещенные в данном сборнике, записаны В. Н. Курбатовой в 1946—1956 годах в городах Лысьве и Свердловске.

Скончалась Клавдия Степановна Копысова в Свердловске 12 апреля 1956 года на семьдесят восьмом году жизни.

М. Китайник, В. Курбатова.

Исторические песни и предания

КАК ЕРМАК ПЛЫЛ ПО ЧУСОВОЙ

й, да по реке Чусовой,
Да по реке крутой,
По реке крутой, крутой, пенистой,
Плывут, плывут кóсны лодочки.

В них сидят, сидят добры молодцы.
На передней корме сам Ермак сидит
Во шеломе-то он во серебряном,
Во кольчуге он во золоченой,
В сапогах-то он во сафьяновых.

Вскинул очи он соколиные
По крутым горам да по лесичкам:
— Эх, просторы вы, да уральские,
Вы леса, леса кондовые!

Пропустите добрых молодцев
На борьбу, борьбу со татарами,
Со татарами, со сибирскими.

Покорятся пусть Ивану царю,
Ивану царю Грозному.

Как отгаркнулись, да откликнулись
Круты гороньки Уральские,
Леса темные, дремучие,
Волны пенные, гремучие:

— Проплывайте, добры молодцы,
Наши гости долгожданные,
Проплывай, Ермак Тимофеевич,
Богатырь большой земли-матушки!

ЕРМАК И ТУРА-РЕКА

Б и, да по реке-Туре, да по привольицу,
По привольицу, по раздольицу
Как плывут, плывут кóсны лодочки,
Кóсны лодочки, просмоленные.
И сидят на них удалы гребцы,
Удалы гребцы — добры молодцы.
Не один-то их и не пятеро,
А без малого восемь сотенок.
Они с пушками, со пищалями
На войну идут со татарами,
Силой меряться с басурманами.
Как зачал тут петь есаул Кольцо
Про раздольице земли-матушки,
Земли-матушки, рек-касатушек;
Про великого царя-батюшку,
Царя-батюшку, царя Грозного,
Да Ивана-свет Васильича.
Любо песня та легла на сердце,
Хмелем брызнула в буйну голову,
Буйну голову добру молодцу.

Лишь Тура-река лихо пенилась
И несла волну крутоярую.
Тут как встал Ермак на корму ногой,
Гаркнул, крикнул он полным голосом:
— Ой, да ты, Тура-река, круты берега,
С частым ельничком, со кедровничком!
Ты пошто, река, все сварливая,
Волны вздыбила крутоярые,
Омутаи вся распласталася?
И пошто песок в мелком бисере?
Взговорила река добрым голосом,
Закачала она кбсны лодочки.
— Ты плыви, плыви, добрый молодец,
Атаман Ермак Тимофеевич.
Ты возьми, возьми всех татар в полон,—
Хватит им зорить землю русскую.